

Драматический театр навевает скуку

КоммерсантЪ - daily. - 1997. - 18 июля. - с. 10

Современный танец жесток, но интересен

Как уже сообщалось, 51-й Авиньонский фестиваль в драматической части открылся постановкой пьесы Лессинга «Натан Мудрый». Спектакль заведомо имел фору — он о приветствуемых ныне толерантности и гуманности: герои пьесы, представители иудаизма, ислама и христианства, дружно приходят к выводу, что ни одна из религий не обладает приоритетом. Но эта мудрость доказывается со сцены напыщенно и долго. Поэтому часть зрителей покидала court d'honneur Палского дворца после первого акта. Пришедшие же на танцевальное представление хореографа Анжелена Прельжокажа «Пейзаж после битвы» сидели, затаив дыхание, все полтора часа.

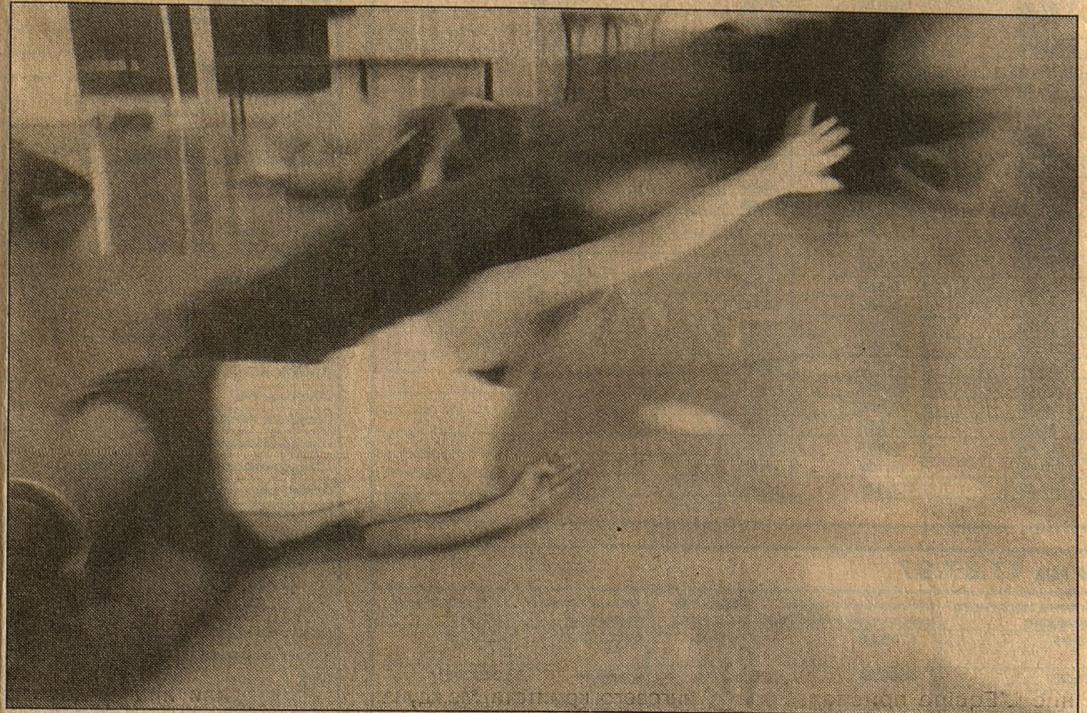
Сами Фрей готовится перевоплотиться в Натана Мудрого

В конце 1770-х, когда немецкие власти по требованию клерикалов наложили запрет на публикации полемических статей Лессинга, он взмолился на свою старую кафедру — театр, чтобы из новеллы Боккаччо о Мельхиседеке сделать картину спора и примирения трех религий, поскольку «иудаизм, ислам и христианство — полноправные проявления человеческой природы». Содержание «Натана Мудрого» (1779) следующее. Во время управления Палестиной султана Саладина, в плен к нему попадает рыцарь ордена Тамплиеров, которого он милует за то, что тот похож на его брата. Во время пожара рыцарь спасает приемную дочь Натана и влюбляется в нее. Оказывается, что тамплиер действительно племянник султана. Следуют долгие разборки. Всеобщее благополучие устраивает Натан, представленный как образец веротерпимости, гуманности и благоразумия.

Однако пьеса, написанная пятистопным ямбом, тяжела для восприятия. Она уступает другим драматическим произведениям Лессинга: действие в ней развивается довольно вяло, характеры не выясняются сами собой, а определяются долгими монологами, не лишенными риторики. Недаром сам автор назвал свое произведение всего лишь «драматической поэмой».

Пьеса германского просветителя в интерпретации канадца Дени Марло (кстати, квебекца, а значит человека из страны, в которой национальные страсти еще не уgomонились), режиссера-авангардиста, ставившего Маяковского, Хлебникова и Бретона, могла бы быть и поинтереснее, и пожестче. Новшество — чисто формальное, техническое (да и новшество ли это?): три актерских площадки на одной сцене, с которых льются слова, слова и слова. Лучше они исходят из уст Сами Фрея (Натана), который старается найти какие-то новые акценты. Остальная игра — натужное глубокомыслие. Невольно приходишь к мысли, что пьеса Лессинга сегодня — только для чтения. Ее инсценировка — усыпление зрителя.

«Глубокомысленна» и танцевальная постановка Анжелена Прельжокажа «Пейзаж после битвы». Из текста программки следует, что хореограф с помощью пластики танца пытается размышлять о том, как в современной культуре трудно соединить интеллектуальный артистизм и артистизм чувственный, линию мэтра авангарда Марселя Дюшана и писателя Джозефа Конрада, концептуальный подход и романтический. Почему именно они? Потому что, оказывается, Конрадом Прельжокаж зачитывался в детстве. А Дюшана он открыл

Танцоры труппы Анжелена Прельжокажа репетируют танец страсти

для себя совсем недавно. Впрочем, сомнительно, что открыл.

Прельжокаж — отнюдь не философ, а хореограф-интуитивист. Когда на репетициях к нему подходят танцоры с просьбой пояснить свою партию, молодой мэтр отвечает: «Да я и сам не знаю, думайте сами».

Начало спектакля — из динамиков доносится интервью Дюшана, данное им «Радио „Франция“» незадолго до смерти: «Я полагаю, что художник не знает, что он творит. То есть он знает, что делает чисто материально, но не способен отдать отчет в своей эстетической работе...» Собственно этой фразой и оправдывается спектакль, представляющий собой гимнастику страсти и безумия. После пяти минут зритель напрочь забывает, причем здесь Конрад и Дюшан, и просто смотрит во все глаза на ритмичные и завораживающие конвульсии 24-х молодых тел.

«Пейзаж после битвы» — это цикл танцевальных новелл о конце XX века: о насилии (эти сцены несколько странны, напоминают смесь молодежной тусовки, дискотеки с картиной бойни типа «Герники»), о поп-культуре,

о кич-культуре (забавен эпизод с «кин-конгами», обменивающимися торжественно-партийными рукопожатиями), наконец, о гей-культуре (пугающе красива сцена «перетасовки»: в начале танцоры перебрасываются стульями, затем, обнимаясь, друг другом).

Полуфинал спектакля — пароксизм всеобщей ненависти — истошные крики и «перестрелки». Финал — все выходят из кулис, одетые в однообразные серые платья, похожие то ли на саваны, то ли на смиренные рубашки. Они скрывают, где «он», где «она». Поступь актеров, как в храме, торжественна, свет мизансцены, как в морге. Усмиренные (или умертвленные) андрогины — печальный стаффаж «Пейзажа после битвы».

МИХАИЛ БОДЕ

Спектакль «Натан Мудрый» будет демонстрироваться во дворе Палского дворца 18-19 июля и с 21 июля по 2 августа. «Пейзаж после битвы» показывается во дворе лица Сен-Жозеф 18 и 19 июля. Начало спектаклей в 22.00.